

Шеститомник «Чаша императора». Состоит из последовательности романов охватывающих эпоху с четвертого по семнадцатый век. Одна книга является прямым продолжением другой. В исторической библиотеке они занимают место с 10 по пятнадцатый тома.

<https://www.litres.ru/luttoli/> - страница со всеми книгами писателя Люттоли

<https://www.luttoli/> - личный сайт писателя Люттоли.

<https://www.bormotulka.ru> - сценарный сайт писателя Люттоли

<https://t.me/luttoli> - Телеграм писателя Люттоли

<https://www.facebook.com/luttoli> - Facebook писателя Люттоли

<https://twitter.com/Luttoli> - Твиттер писателя Люттоли

<https://vk.com/lutoli> - Вконтакте писателя Люттоли

Для переводов писателю Люттоли

Номер банковской карты: **5486 7320 0090 8327**

Яндекс кошелёк: **41001851135760**

Флавий Крисп исторический роман

Автор, авторские права – Люттоли

Романы входящие в шеститомник «Чаша императора»:

1. Константин Великий
2. Флавий Крисп
3. Чаша императора
4. 12-й легион
5. Луидор
6. Герцог Д, Эгийон

Глава 1

Босфор. Византий. 324 год от рождества Христова

Лучи восходящего солнца ярко освещали картину безмятежно почивавшего города в удивительном по красоте заливе прозванным греками «Хризокерас». Улицы, рынки, форум и даже иные дома, выглядели совершенно безлюдными. По этой причине, оживление царившее на стенах окружающих со всех сторон город выглядело по меньшей мере не совсем обычно. А правильнее будет сказать, «на одной стене», обращённой лицом к заливу. Сотни людей приложив

руку ко лбу или просто указывая ею в сторону залива, возбуждённо переговаривались. Причина столь сильного любопытства состояла в...Римском флоте. В непосредственной близости от зрителей разворачивались масштабные манёвры. Десятки военных судов, среди которых более всего преобладали «Триеры», выстраивались в боевые порядки, напротив той самой стены, перекрывая тем самым весь пролив от одного берега до другого. Некоторые из тех, что стояли на стенах, пытались подсчитать количество судов. Однако добравшись до пятидесяти, как правило, сбивались со счёта. Маленькие галеры почти не привлекали внимания. На галерах отсутствовали мачты. Не имелось палубы. Лишь один ряд гребцов. Большое рулевое весло на корчме и не более двух десятков либурнарии или как их ещё называли «морские легионеры». Либурнарии отличались от обычных легионеров лишь вооружением. Сюда можно было добавить и несколько моряков управляющих судном. Вот и всё оснащение галеры. В отличие от галер, триеры выглядели гораздо внушительней. Три яруса с гребцами. Соответственно, три ряда весел. Каждый последующий длиннее предыдущего. Борты обитые бронзовыми пластинами. Загнутый нос на котором реял Римский орёл. Под ним, над самой кромкой воды – длинный таран, основная ударная сила триеры. Мачта с парусами. На верхней палубе находились не менее ста морских легионеров, или полноценный центурий. Так же на палубе имелся один Баллист и Катапульта. Но наибольший интерес вызвали две «Пентеры». И было отчего. На палубе возвышались четыре боевые башни и восемь катапульта. Не менее когорты легионеров и пять ярусов с гребцами. При этом на верхних ярусах можно было видеть трёх гребцов за одним веслом. Пентеры были снабжены тремя мачтами, но даже это обстоятельство не позволяло им двигаться вполовину так же быстро как и Триеры. Было хорошо видно с каким трудом это огромное

судно совершает поворот, вставая в одну линию с остальными судами.

Пока происходил этот манёвр, с другой стороны пролива показались паруса. Их становилось всё больше и больше. Очень скоро вид новых судов привлёк внимание, а вернее обеспокоенность и тревогу жителей Византия. Видимо их вид обеспокоил и римлян. С одной из римских Пентер спустили на воду лодку. Шесть гребцов быстро погнали её в сторону берега, туда где стояли шатры со знамёнами.

Тишину и полную безмятежность, внезапно нарушил... детский плач. Он тут же прервался, но спустя мгновение раздался снова и на сей раз больше не прекращался. С постели поднялась молодая девушка лет восемнадцати с распущенными волосами. Набросив на обнажённое тело шёлковую накидку, она подошла к колыбели, в которой надрывался младенец. Она уже собиралась взять его на руки, когда появилась рабыня с заспанным видом. Рабыня бережно вытащила младенца из колыбели и прижав к груди, ушла за тот самый полог из-за которого и появилась. Он служил своего рода перегородкой между спальней и местом для слуг. Именно местом, ибо все события происходили в шатре. Проводив кормилицу своего сына коротким взглядом, Елена, так звали юную особу, перевела взгляд на догоравшие свечи. В её глазах стала появляться тоска. И эта тоска обрушилась в сторону постели. Одна сторона была пуста, ибо её покинула Елена. Вторую же занимал безмятежно спящий молодой человек, её супруг. Подобно супруге он спал обнажённым. Даже мимолётный взгляд без труда смог бы выхватить высокий рост и крепкое тело. Светлые волосы слегка курчавились, несмотря на короткую стрижку. Черты лица...их без всякого сомнения следовало признать притягательными или красивыми. Хотя одно не исключало второго. Ещё более подчёркивало правильные черты – безмятежность. Дыхание почти не

ощущалось. Лишь грудь едва заметно вздымалась.

- Боги не допустят твоей гибели, любимый супруг мой! - прошептала Елена опускаясь на край постели и устремляя на спящего взгляд полный нежности и любви. Удивительное мгновение...и полное очарования, внезапно нарушил резкий голос, раздавшийся неподалёку:

- Флавий Сет. Именем императора я требую пропустить меня к Цезарю!

Елена и опомниться не успела, как в спальне появился мужчина лет сорока с мрачным лицом. Держа шлем под мышкой он стал оглядываться по сторонам. Одновременно с его появлением, молодой человек проснулся и вскочив с постели, ринулся прямо на него:

- Прочь отсюда! - гневно процедил он сквозь зубы.

- У меня послание от императора, - раздался в ответ высокомерный голос. А вслед за ним перед молодым человеком появился свиток с императорской печатью. - Я...

- Я знаю кто ты, Трибун. Прочь из моей опочивальни. Жди снаружи.

Флавий Сет, бросил на молодого человека злой взгляд, но не послушаться не посмел. Едва он вышел, как в шатре раздался голос полный тревоги:

- Крисп, что ты наделал? Это же посланник императора. Такой поступок никому не прощают. Если этот человек...

- Учитывая наше родство, можно не сомневаться что он это сделает при первой возможности. А если отец его не выслушает, это сделает Фауста. А уж она найдёт, как лучше преподнести мою дерзость императору, - невозмутимо перебил её Крисп.

И это был тот самый Флавий Юлий Крисп. В свои двадцать два года он успел заслужить уважение армии и народа Рима. И не только за свои победы над франками, за которые был признан самым талантливым полководцем, но и за весёлый нрав. А более всего за справедливость и рассудительность.

И если титул «Цезаря», он получил в качестве наследника Римского императора, то правителем Галии его назначили за вполне заслуженные успехи. Однако даже столь высокое положение не позволяло обходиться непочтительно с посланником императора. Именно об этом ему напомнила молодая супруга. И эти слова стали началом длинного диалога, в котором Елена решилась высказать все свои сомнения и опасения. Беседа могла бы продлиться очень долго, если б она решилась сказать всё, что сумела увидеть и понять за неполные два года своего замужества. Но её смущало молчание Криспа. Он ей не отвечал. Лишь когда он попросил затянуть завязки стягивающие панцирь, она поняла причину. Он попросту её не слушал. В то время, когда она говорила, он попросту облачался в доспехи. Выполнив просьбу супруга, она получила в награду насмешливую улыбку и лёгкий поцелуй в губы. После этого Крисп покинул шатёр.

Четыре стража с копьями тут же вытянулись в струнку при его появлении. Флавий Сет стоял неподалёку с совершенно мрачным лицом. Глядя на него, Крисп жёстко бросил адресуя свои слова страже:

– В следующий раз убейте любого, кто попытается без позволения войти в мою опочивальню!

– Цезарь! – раздалось в ответ ровные голоса.

Приказ был понят и принят стражами.

Крисп заметил бледность на лице Флавия Сета. Он знал, что тот доводится ему родственником, но по какой линии не имел представления, да и не имел желания выяснять это обстоятельство. Он лишь протянул вперёд руку. Повинуясь этому жесту, Флавий Сет, подошёл и вручил ему послание императора.

Сет с некоторым злорадством смотрел на то с какой небрежностью сломал императорскую печать Крисп. Пока Крисп читал, Флавий Сет, вот уже в который раз бросил взгляд на большое количество палаток.

Их здесь было не меньше ста. Они шли в три ряда. Через определённые промежутки в песок были вбиты знамёна с Римским Орлом и «белым Единорогом», символом двенадцатого легиона. Они гордо стояли прямо перед палатками под неусыпным наблюдением одного или двух легионеров. Само расположение лагеря с первого взгляда поразило императорского посланника. Несмотря на непосредственную близость моря, лагерь был расположен в боевых порядках. Три ряда, как правило, определяли тактику римлян. Первый ряд занимали наиболее молодые воины, второй – испытанные в бою, а третий – ветераны. Это не считая частокола и усиленной охраны, которая тщательно проверяла весь берег и пространство позади лагеря. Такая предусмотрительность исключала любую внезапность нападения. И эти меры были предприняты, несмотря на то обстоятельство, что в непосредственной близости от берега стоял на якоре весь Римский флот. Около двухсот боевых кораблей, среди которых преобладали триеры, но были также Пентеры и Гексеры. Все они мерно покачивались на волнах, наглухо перекрывая подходы к заливу. Однако вид кораблей не столь впечатлил Флавия Сета, как вид легиона. Он долгие годы мечтал получить командование над одним из легионов, но так и не сумел добиться своей цели. По этой причине едва ли не с откровенной завистью поглядывал палатки.

Особая любовь наместника Галии к двенадцатому легиону была известна всему Риму, как и преданность легиона Криспу. И стоило ли удивляться, видя гордого Единорога рядом с шатром наместника. Все эти мысли проносились в голове Флавия Сета до той поры, пока он не увидел седовласого мужчину в боевом облачении. Он узнал его. Это был командующий двенадцатым легионом, Квириин. Квириин принадлежал к старинному роду Римских патрициев и был известен как человек необыкновенного мужества и храбрости. За его

плечами были десятки походов и сотни сражений. Этот человек был уважаем многими. Флавий Сет встретил его приход кивком и короткими словами:

- Легат. Рад видеть тебя в полном здравии.

- Видно и тебя Боги берегут, трибун! - с неуловимой насмешливостью ответил Квири.

Вслед за приветствиями раздался озабоченный голос Криспа.

- Этот приказ большая ошибка!

Флавий Сет с откровенным изумлением смотрел на то, как Крисп сворачивает послание.

- Это же приказ императора. Он не может быть ошибкой, - выдохнул Флавий Сет.

- Может. Все ошибаются. Возвращайся в Рим и передай на словах, что я сам решу, как следует поступить!

Крисп сделал движение рукой показывая что разговор закончен. Флавию Сету, не понадобилось повторять два раза. Испытывая в душе ликование, ибо такой ответ как нельзя лучше способствовал ухудшению отношений между Криспом и отцом его императором Константином, он немедленно поспешил в сторону своего коня.

- Мятеж против императора? - спросил Квири наблюдая за поспешным бегством трибуна.

- Едва ли?! - ответил Крисп, протягивая ему послание.

Прочитав его, Квири устремил удивлённый взгляд на Криспа.

- Я не вижу ошибки. Решение предсказуемое и правильное, учитывая то обстоятельство, что на нас движется флот Лициния из 400 кораблей. Мы просто обязаны отступить, иначе наш флот будет истреблён.

- Император назначил меня командующим флотом, - спокойно ответил Крисп забирая у Квирина послание назад, - и только я буду принимать решение.

- Стоит ли рисковать, Крисп? Если ты совершишь ошибку...- многозначительный взгляд Квирина досказал

остальное. Крисп невесело усмехнулся.

- Лучше уж так, чем положение в котором мы окажемся подчинившись приказу. Если мы отступим, Лициний захватит Византий и закроет пролив. Наши армии окажутся под ударами и с Севера и с Юга. И вдоль всей полосы будущих сражений будет курсировать вражеский флот. Какой прок тогда вообще от нашего флота? Мы сами себя поставим в безнадёжное положение. Единственный выход - дать сражение. Мы постараемся задержать их, а ты тем временем отведёшь легион в Византий.

- Неплохой план, - не мог не согласиться Квирина. - Но всё же я настоятельно советую подумать. В случае поражения тебя никто не простит. Слишком много людей при дворе завидуют твоей славе. А если одержишь победу, будет ещё хуже.

- Мне нет до них дела. Я лишь хочу служить Риму и своему отцу императору.

- Пожалуй, я повторю твои слова, прибавив к ним и тебя!

После слов Квирина раздался лёгкий смех. Они обменялись рукопожатием свойственным легионерам и понятными для обоих взглядами. После чего снова раздался голос Квирина:

-И когда приступаем к...мятежу?

- Похоже, уже приступили, - пробормотал Крисп наблюдая за лодкой которая стремительно приближалась к берегу. И он оказался прав. Едва лодка причалила к берегу, ему сообщили неприятную новость, о которой его предупреждал император.

Глава 2

Спустя некоторое время, оба, и Крисп, и Квирина, опёршись на борт, вглядывались вперёд. Особенно напряжённым выглядел Крисп. Он с неослабным вниманием следил за передвижениями вражеского

флота. Количество судов внушало ему тревогу, но не такую сильную как оснащение судов. Видимо, Лициний отлично подготовился к встрече. Даже отсюда было хорошо заметно, насколько превосходят их враги. Повсюду катапульты и Баллисты. Груды ядер...и очень много солдат. Вся эта громада остановилась. Но не просто, а выстроившись в десять ровных рядов и тем самым обхватив весь залив от одного берега до другого. Десять рядов. В каждом ряду не менее сорока боевых судов. Как и следовало ожидать, все корабли располагались по принципу «от сильного к слабому». Впереди каждого ряда находилась Пентера. Десять Пентер против двух. Преимущество...слишком явное. Лициний приготовился на славу. Расстояние между рядами достаточное для прохода даже для прохода больших кораблей. словно в ответ на свои мысли, он услышал голос Квирина:

- Представил что будет, если между этими рядами пустить наши судна. Перемелют как зерно на мельнице. Даже следа не останется.

- С тобой трудно не согласиться. Пройти между четырьмя десятками судов с катапультами? Да ещё под ударами с двух сторон? Даже у меня на такой манёвр глупости не хватит...

За их спинами раздался смех легионеров. Многие из них стояли на палубе и вглядывались в даль, а часть подобно Криспу и Квирину, прилипнув к бортам, смотрела на вражеский флот. Едва Крисп обернулся, как смех смолк. Он некоторое время сверлил глазами легионеров. Те даже отошли от бортов и стали вытягиваться в струнку под его взглядом. Неизвестно что ими владело, но это чувство перешло в растерянность, когда над палубой прозвенел голос Криспа:

- Вам всем смешно. Каждый из вас достаточно умён для того чтобы понять насколько глупа такая затея. И это хорошо. Очень хорошо.

- И что здесь хорошего, Цезарь? - раздался рядом осторожный голос Квирина.

- У меня возникло чувство, что я не такой умный как вы, - Крисп бросил странный взгляд на своего спутника, а потом резко возвысив голос, приказал. - Передайте на все суда. Командующим незамедлительно прибыть на берег. Едем! - последнее слово было адресовано Квирину.

Вплоть до самого берега, Крисп не проронил ни единого слова. С каждым ударом весёл по воде, Квирин бросал на него пронизательный взгляд, но так и не смог проникнуть в мысли Криспа. Смятение Квирина многократно увеличилось, когда они пристали к берегу. Здесь без всяких объяснений и предисловий, Крисп заговорил тоном, не допускающим возражений:

- Поднимай своих людей. Обыщи весь город и все деревни, которые только найдёшь поблизости. Забирайте всю посуду для хранения масла, какую только найдёте. Забирайте масло. Забирайте длинные копья, верёвки. Грузите всё на мулы и везите сюда. К полуночи твой легион должен быть на судах со всем, что вы соберёте.

- Мы не справимся! - едва ли не с ужасом воскликнул Квирин, выслушав Криспа. Тот раздражённо махнул рукой.

- Забирай рабов. В общем, делай что хочешь, но выполни мой приказ в точности. Мы должны успеть. А если нет, погрузимся с тем, что успеешь привезти. Времени у нас мало. Да ещё...приведи одного быка. Я хочу принести жертву Марсу. Без его помощи нам не обойтись.

- Цезарь! - пробормотал Квирин. Он отошёл от Криспа, а через мгновение едва ли не бегом направился в сторону своей платки. Очень скоро по всему лагерю стали раздаваться звуки труб. Легионеров звали на сбор. Крисп недолго наблюдал за действиями Квирина. Затем он устремил взгляд в сторону своего флота. От нескольких кораблей уже отделились лодки и направлялись в сторону берега.

Издав непонятное восклицание, Крисп отправился в шатёр. Елена успела облачиться в платье и стоя встретила его появление. Крисп подошёл к столу и налив вина в кубок одним махом его опорожнил. Затем вытер тыльной стороной ладони губы и мягко обратился к супруге:

- Позже поговорим. А сейчас собирайся домой. Ещё до наступления ночи ты должна покинуть лагерь. Остаться здесь опасно.

- А ты? - Елена сопроводила свои слова мучительным взглядом.

- Брошу всё и поеду с тобой! - Крисп состриг забавную мину на лице.

- Как ты можешь? Шутить в такое страшное время?

- Всё как обычно, Елена. Врагов бывает или меньше или больше, но они есть всегда.

Елена, порывалась продолжить разговор, но больше ничего не успела сказать. Крисп покинул шатёр так же внезапно, как и вошёл. Ей ничего не оставалось, кроме как подчиниться приказу супруга. Она позвала двух рабынь, что сопровождали её в поездке, и повелела собираться в дорогу.

Когда Крисп вышел из шатра, его встретили две приветственно вытянутых руки. Оба мужчин в военной форме носили звание трибуна.

Крисп приветствовал их, а затем попросил следовать за собой. Он отвёл их за лагерь на свободное пространство и здесь, к удивлению трибунов, вытащил короткий меч и опустившись на корточки, стал вырезать на земле какие-то квадратики. В то время пока он сосредоточенно вырезал непонятные знаки, к ним, один за другим стали присоединяться остальные командующие судов. И всегда это действие происходило одинаково. После короткого приветствия у вновь прибывшего появлялось на лице ярко выраженное удивление. Вслед за остальными он устремлял взгляд на Криспа. Тот не переставая вырезал квадратики. Чуть позже, он отошёл на несколько шагов и вновь принялся их вырезать,

теперь уже на другой стороне. Понемногу присутствующие начали понимать смысл этих действий. Квадратики выстраивались в точности так, как стояли судна обоих флотов. Для многих стала очевидным существование некоего плана. Видимо именно об этом и хотел с ними поговорить Цезарь. Прошло немало времени, прежде чем все собрались. Крисп выпрямился, и окинув всех беглым взглядом громко заговорил:

- Вы все видели флот Лициния. Думаю мне не надо объяснять, что именно может произойти, если они двинутся вперёд. Нам их не остановить. Значит, единственная возможность победить - это ударить первыми.

Сразу после этих слов раздались громкие выкрики:

- Но Цезарь, как мы сможем победить ударив первыми? Разве не будет хуже, если мы это сделаем? Не лучше ли просто отвести флот из залива? Никто из нас не видит способа одолеть флот Лициния...

Крики смолкли как только Крисп поднял руку призывая к молчанию.

- Следите внимательно!

Крисп направляясь к той группе квадратиков, которые вырезал первыми. Указывая на них кончиком меча который он держал в правой руке, Крисп заговорил ещё громче.

- Флот Лициния выстроился в десять рядов. Каждый ряд насчитывает сорок судов. Обычное тактическое построение. И что самое приятное, даже расстояние между рядами в точности соблюдено. Иными словами говоря, вздумай мы пройти между этими самыми рядами, у нас ещё останется немного лишнего места по обе стороны. И хотя это обстоятельство используется лишь с целью усилить удар или по меньшей мере не потопить собственные суда при атаке, мы с вами можем использовать это в несколько иных целях. Смотрите внимательней, - ещё более возвысил голос Крисп. Но и без его слов все с неослабным вниманием следили за каждым его

движением.

- Для начала нам необходимо уравнивать силы...

- К нам идёт помощь? - раздался чей - то радостный возглас.

Крисп расхохотался.

- Нет! - ответил он, - но мы всё же можем попытаться уравнивать силы. И вот как. - Он снова ткнул мечом в сторону квадратиков изображающих вражеский флот. - Мы с вами выстроим судна в точности, как и Лициний. В десять рядов. Правда у нас будет двадцать судов в ряду. Но этот маленький недостаток можно восполнить, если мы пройдем между рядами.

- То есть все наши суда должны пройти сквозь ряды кораблей Лициния? - раздался обескураженный голос.

- Именно так! - подтвердил Крисп.

- Нас же попросту в куски разнесут. Если конечно не уничтожат при подходе.

- Нет, если мы сделаем это с умом, - громко ответил Крисп и так же громко продолжал развивать свою мысль. При этом его меч стал постоянно перемещаться от одних квадратиков к другим. - Слева они, справа мы. Мы выстраиваемся в десять рядов и идём прямо в проходы. Понятно, что при свете дня у нас не будет возможности победить, но ночью...всё может измениться. Поэтому мы пойдём ночью. Пойдём так тихо, как только сможем. Никаких катапульт, ничего такого, что может вызвать шум. Даже если наш манёвр будет обнаружен, не думаю, что в темноте наши враги смогут нанести нам серьёзный урон. Мы же будем готовы ударить. И вот каким образом. Мы приготовим заранее длинные копья, шести, всё что угодно. Прикрепим к ним вёдра, посуду наполненные маслом. Проходя между рядами, мы подожжём их и сбросим на судна Лициния. И здесь мы получим ещё одно очень серьёзное преимущество. Когда разгорится огонь, мы будем ясно видеть их всех, они же будут лишены такой возможности. И потому, как только масло будет

сброшено, в бой вступят лучники, а при необходимости пойдём и на абордаж. Для этого следует заблаговременно подготовить абордажные «вороны». И не меньше чем два на каждое судно. Не стоит забывать, что мы будем атаковать каждое вражеское судно с двух сторон. Но абордаж только в самом крайнем случае. Мы должны пройти так быстро, как только сможем и нанести как можно больше урона суднам Лициния. Если нам удастся это сделать, тогда мы сможем ударить во второй раз уже Катапультами и Баллистами. Им же придётся больше бороться с огнем, нежели с нами. Здесь остаётся добавить последнее. Времени у нас почти не остаётся. Уже завтра нас могут атаковать. По этой причине мы должны напасть этой ночью. Я распорядился по поводу всего, что нам может понадобиться для будущего сражения. Всё это будет погружено на наши судна до наступления темноты. Все лодки должны быть направлены к берегу, как только вы вернётесь назад. Я так же решил использовать свой личный резерв – двенадцатый легион. Они будут размещены на судах, которые пойдут первыми. Когорта на каждое судно. Их удар станет началом битвы. Этот удар и должен определить исход всего сражения. Ну а теперь, нам остаётся выбрать десять судов, которые пойдут первыми и обсудить возможные варианты развития событий.

Военный совет продолжался ещё какое-то время. По сути сам план был полностью одобрен всеми. Он был рискованным но в случае удачи мог принести им победу. Поэтому обсуждались в основном отдельные детали. Когда обсуждение закончилось, все стали возвращаться на свои судна для того чтобы как следует приготовиться к ночному наступлению.

Глава 3

- Смотри, Цезарь!

Проследив направление, которое указывал Квирина, Крисп широко усмехнулся. Он сразу понял, что именно имел в виду его друг.

- Пусть смотрят, - беззаботно отозвался Крисп, - бьюсь об заклад, что Лициний сейчас посмеивается полагая будто мы от испуга перед его флотом затеяли всё это.

В конце речи Крисп указал рукой на большое скопление лодок. Берег же перед лодками напоминал настоящий муравейник. Тысячи людей трудились не покладая рук. Всё свободное пространство перед лодками было завалено медной посудой, горами всевозможных копий и верёвок. Отдельно стояли огромные кувшины с маслом. Как только лодка наполнялась, она тут же отправлялась в сторону судов и через короткое время возвращалась назад уже пустая. Крисп некоторое время наблюдал за работой, а потом пробормотал под нос но достаточно громко для того чтобы стоявший рядом Квирина услышал его слова.

- Нам не управиться полностью. Проследи, чтобы всем судам досталось поровну. А это, - Крисп указал на кувшины с маслом, - слегка изменит наши планы. Пусть на всех суднах, которые пойдут первыми, установят один такой кувшин на катапульте. Если нас обнаружат раньше времени, он станет достойным ответом. Да и поторопи всех.

- Приказ будет выполнен, Цезарь, но не раньше, чем я увижу твою схватку с быком!

Крисп похлопал Квирина по плечу и жестом пригласил следовать за собой. Один за другим направились в сторону палатки Легата. Прямо перед ней был вбит кол к которому привязали большого белого быка. Те немногие легионеры, которые всё ещё оставались у палаток, с откровенным интересом наблюдали за действиями Криспа. И не только. Люди возле лодок всё чаще и чаще посматривали в его сторону.

Приблизившись к быку на расстояние десяти шагов, Крисп сбросил верхнюю одежду. Обнажённый по пояс он выхватил меч, чувствуя, как во всём теле нарастает напряжение и азарт предстоящего поединка. На глазах у всех, он перерезал верёвку, освобождая тем самым быка. Он был свободен, но не двигался с места. Лишь настороженно наблюдал за происходящим. Крисп бросил долгий взгляд на быка, а затем развёл руки в стороны и задрал голову кверху, закричал:

– Марс, прими мой дар и помоги нам победить!

Не успели отзвучать эти слова, как Крисп быстро и бесшумно бросился к быку. Бык наклонил голову встречая его приближение рогами и грозным видом, но...последовал быстрый бросок гибкого тела, а вслед за ним раздался короткий свист. Меч вошёл в шею быка сверху вниз по самую рукоятку, пронзив её насквозь. Из гортани показалось острие меча, с которого струилась кровь. Бык рухнул замертво, не издав ни единого звука. Крисп наклонился над быком, но лишь для того чтобы вытащить обратно свой меч и тут, услышал восхищённый голос Квирина:

– Боги тебя любят, Цезарь. Не припомню такого точного удара.

– Отдай быка рабам. Пусть этой ночью устроят пир в честь Марса. Нас же ждёт пиршество на кораблях Лициния.

Слова Криспа слышали все легионеры. Даже те, что находились на берегу. Крисп нарочито произнёс их очень громко. И действие принесло желанные плоды. Все заработали с удвоенной силой в предвкушении будущей добычи.

Расставшись с Квирином, Крисп поспешил к своему шатру. Здесь уже всё было готово для отъезда. Восемь крепких рабов, по четыре на каждые носилки. Одна была предназначена для Елены, вторая для кормилицы с сыном. Восемь верховых легионеров, которые должны были охранять супругу Цезаря. Несколько мулов с пожитками и две личные рабыни

Елены. Кормилица с сыном встретила его у самого порога шатра. Поцеловав сына, Крисп указал ей на носилки. А затем вошёл в шатёр. Елена стояла посередине, дожидаясь его прихода. Она была полностью готова к отъезду.

- У тебя кровь, - испуганно вскричала она завидев Криспа.

- Это всего лишь кровь быка, - ответил Крисп. - Я принёс жертву Марсу, и он её принял. Осталось разбить Лициния.

Крисп широко улыбнулся.

- Неужели ты совсем не испытываешь страх? - вырвалось у Елены.

- Всю жизнь мечтал стать трусом. И вот наконец, такая возможность представилась. Завтра же сбегу отсюда, только...скажу несколько слов Лицинию по поводу его желания стать римским императором. Как ни держалась Елена, но так и не смогла удержать широкой улыбки. Она бросила на Криспа взгляд полный любви.

- Так - то лучше, - пробормотал Крисп заметив этот взгляд.

- Я люблю тебя!

- Я знаю, - Крисп подошёл к супруге и вытянув руку легко коснулся её лица, - я всё вижу Елена. И ты знаешь, что кроме тебя и нашего сына мне никто не нужен. Вы наполняете мою жизнь светом. Но тебе нельзя здесь оставаться. И не потому что я боюсь проиграть. Твоё присутствие делает меня слабым. И это для меня гораздо страшнее Лициния.

Их губы слились в долгом поцелуе. Отстранившись от супруги, Крисп прошептал ей на ухо:

- В Рим не заезжай. Я не хочу, чтобы ты поехала в наш дом. Отправляйся прямиком к своему отцу. И запомни. Никому не говори о своём приезде. Пусть и твой отец хранит молчание. А лучше пусть найдёт для тебя место, о котором никому не известно. Я пошлю весточку твоему отцу, когда всё закончится. Это всего лишь небольшая предосторожность. У меня

слишком много врагов. Если я потерплю поражение, тебя и ребёнка могут попытаться убить. Мы должны предвидеть и такое развитие событий. Ты всё поняла, Елена?

Она с пониманием кивнула.

- Тогда езжай. И береги нашего сына!

Крисп ещё раз поцеловал супругу. Она же обхватив руками его шею, заплакала. Всё ещё плачущую супругу, Крисп проводил к носилкам. Он сам откинул полог, помог ей устроиться и подал знак одному из легионеров. А затем стоял и долго смотрел вслед маленькому каравану, который с каждой минутой уменьшался в размерах.

Не дожидаясь пока он совсем исчезнет из виду, Крисп вернулся в палатку. Здесь он наклонился над медным тазом с водой и стал оттирать кровь с груди. Он всё ещё занимался этим, когда на него упали две тени. Одна большая, другая маленькая. Крисп повернул голову. У порога стояли два совершенно разных человека. Один выглядел ровесником самого Криспа. Он имел небольшой рост, худощавое лицо с высоким лбом и выразительные чёрные глаза. Молодого человека звали «Демийус». Необычное имя для еврея коим он и являлся. Демийус, вёл всю переписку при Криспе. К тому же он отлично разбирался в картах и владел различными диалектами. Попросту говоря, этот человек был очень умён. Беседуя с ним, Крисп всегда получал удовольствие. Второго звали Артемий. Он был выше на голову самого Криспа и обладал могучим телосложением, но не слишком выразительной внешностью. Особенно бросался в глаза приплюснутый нос, который к тому же был необычайно широк. Артемию минуло 30 лет, последние пять из которых он состоял при Криспе. Крисп выбрал его в свою личную стражу из - за недюжинной силы, но впоследствии крепко привязался к Артемию. Ровно как и к Демийусу. Оба были беззаветно преданы ему и пользовались полным доверием Криспа. И хотя на

людях, Крисп высмеивал любое упоминание о своих возможных врагах, он являлся человеком весьма рассудительным и всегда старался предвидеть возможные события. Именно эти качества и привели его к мысли тайно послать ко двору отца Артемия и Демисуса. Второй должен был разузнать обстановку при дворе, а первый проследить за тем, чтобы с ним ничего не случилось. Он их отправил в Рим несколько месяцев назад из Галии, ещё до своего прибытия в Византий в качестве командующего флотом. И вот они здесь. Оба грязные и наверняка голодные. Крисп по очереди обнял обоих, а затем усадил за свой стол, где всегда стояло блюдо с мясом и кувшин доброго вина. Он не мог не улыбнуться, наблюдая за тем, с какой жадностью они поглощают пищу. Крисп не задавал вопросов. Хотя все его мысли занимало будущее сражение, ему не терпелось узнать, что происходит при дворе. Упоминает ли о нём отец? Он слегка вздрогнул когда раздался голос Демиуса:

- Всё гораздо хуже чем мы думали, мой Цезарь, - Демиус допил вино и устремил на Криспа тревожный взгляд. - У вас много недругов при дворе. Тайных и явных. Самая опасная из всех, ваша мачеха, императрица Фауста. Сама она ничего не говорит императору, но её окружение только и делает, что пытается очернить вас перед императором. Они завидуют вашим успехам. Однажды об этом и император сказал. И казалось, что он вас защищает, но...пошли слухи, будто окрылённый победами Флавий Крисп решил сам стать императором Рима. Эти слухи дошли до вашего отца. И тут всё изменилось. Он стал откровенно и прилюдно отзываться о вас с недовольством. И это недовольство ежедневно подпитывается окружением императрицы. Я своими ушами слышал, - продолжал Демиус, понизив голос, - как племянник Фаусты заявил, будто ваши дни мой Цезарь уже сочтены. Наследником престола станет один из ваших сводных братьев. По его словам,

будто бы сам император так решил.

Крисп мрачнел с каждым мгновением всё больше. Все его подозрения оправдались. Отца настраивают против него. Однако, до сей поры он не давал ни единого повода для подозрений. Он всегда и во всём покорно выполнял его волю. Этот случай стал исключением. Крисп поморщился. «Будь всё проклято, - думал он, - если бы я узнал всё это вчера, так не стал бы противиться воле отца, а попросту отвёл бы флот без сражения. Теперь же в случае если флот будет разгромлен, можно не сомневаться какими будут последствия. Оставалось порадоваться за свою предусмотрительность в разговоре с Еленой.

- Это лишь полбеда, - донёсся до него голос Демиуса, - не меньшую опасность для вас представляет христианин Евсевий. Он неотлучно находится при императоре и оказывает на него серьёзное влияние. Император даже распорядился вышить христианский крест на своих знамёнах.

- И что здесь плохого? - удивился Крисп. - Я сам слышал рассказ отца о том, как ему явился плакающий крест. Это был знак его будущих побед и величия.

- Эти люди опасны мой Цезарь, - возразил не раздумывая Демиус. - Не так давно все христиане подвергались гонениям. Сейчас же всё изменилось. Император дал им власть. Многие из христианских священников стали получать жалованье из императорской казны. Сейчас они говорят о своей вере как о единственной правильной. Остальных Богов они поносят. Я сам стал свидетелем расправы христиан над человеком, который осмелился сказать, что не признаёт их Бога. Они убили его. А ведь не так давно только и говорили как о любви и прощении. Император, не без помощи Евсевия, всячески поощряет действия христиан. Идут слухи, будто бы он собирается собрать их вместе, дабы утвердить единую веру в империи.

- Это всё? - коротко осведомился Крисп.

- Нет. Ещё говорят, будто император собирается

переименовать Византий в Константинополь, и перенести сюда весь двор. Он распустил преторианцев, тем самым лишив сенат власти. Его могущество возрастает, а вместе с ним и могущество христиан.

- Дались тебе эти христиане, - с откровенной досадой промолвил Крисп. - По мне, так пусть будет любой Бог. Я выберу того, кого пожелаю.

- Мой Цезарь...

- Твой Цезарь хочет хорошо отдохнуть перед битвой, - резко перебил Демиуса Крисп.

- Прости меня, - Демиус покорно склонил голову.

- А ты ничего не хочешь сказать? Ты ведь и слова не сказал, - Крисп устремил взгляд на Артемия. Тот лишь пожал плечами и коротко ответил:

- Я не люблю разговаривать, мой господин!

- Отличное качество, - заметил Крисп.

Следом за этими словами, он разлёгся на постели прямо в одежде и заложив руки за голову, закрыл глаза. О продолжение разговора не могло быть и речи. Оба, стараясь не шуметь, почти сразу же последовали его примеру. Они улеглись прямо на полу рядом с Криспом и заснули.

Глава 4

Ночной Босфор отсвечивал сиянием тысяч и тысяч звёзд, в которых словно купались сотни кораблей. Яркая луна лишь усиливала это удивительное впечатление, обволакивая залив мягким светом. И всё это плавно покачивалось под воздействием лёгкого бриза. Ровные ряды и совершенно одинаковое построение с двух сторон, ещё более подчёркивали красоту картину, придавая ей при этом некую торжественность. Расстояние между флотами едва ли превышало пять тысяч локтей. Триера могла преодолеть такое расстояние меньше чем за час. И

если на одной стороне царило полное спокойствие, на другой происходило нечто, что большое походило на таинственный обряд.

То и дело мелькали вёдра. Тысячи людей окатывали друг друга потоками воды. Они поливали ею палубу судна и накрывали борта тяжёлыми воловьими шкурами, насквозь пропитанными морской водой.

Крисп лично и очень внимательно наблюдал за такими действиями. По опыту он знал насколько важно правильно подготовиться к будущему сражению. Иногда именно предусмотрительность в таком тонком вопросе решала и сам исход сражения.

Судно, на котором ему предстояло идти в бой, находилось пятым по счёту в первом ряду, если смотреть со стороны Византия. Справа от него располагался Квирин. Эти две Пентеры и должны были стать главной ударной силой в центре. Крисп не упускал ничего из виду. То и дело на судне мелькал его серебристый шлем с римским орлом и белый плащ. Он всё время двигался. И не без труда. Свободного пространства на судне почти не имелось. Большая часть была занята вооружёнными легионерами. По пятам за ним шли два легионера с факелами. Стоило ему остановиться, как сразу же они освещали место, которое привлекло его внимание. Таким образом, он перемещался по всей палубе. Крисп особенно тщательно осмотрел Катапульту. И тому имелась причина. Порой случалось, что она срывалась с места и проломив борт падала в море, тем самым уничтожая и сам корабль. Стягивающие её канаты внушали доверие. Деревянные колёса были наглухо прикреплены к палубе. Рядом стоял большой кувшин с маслом. Он в свою очередь был прикреплен к самой катапульте верёвками. Крисп приказал накрыть масло смоченной воловьей шкурой. Вздумай она загореться, пришлось бы очень нелегко. А огня будет немало, - думал он, переходя к боевым башням. Их вид вызвал у него довольную улыбку. Лучники на месте. Запас стрел приготовлен. Длинные копья сложены у самых

бортов. В шаге от них стояли вёдра и горшки, наполовину наполненные маслом. У всех горловина была накрепко завязана верёвкой. Другой конец был сооружён в виде петли. В нужный момент её просто набрасывали на кончик копья и затягивали. Иными словами говоря, почти всё было готово. Оставалось решить, что делать с гребцами и вёслами. Движение судна должен был обеспечить лишь нижний ярус с самыми короткими вёслами. Два верхних яруса оставались без действия. Это было вынужденное решение. Длинные вёсла могли попросту зацепиться за вражеское судно и тем самым остановить продвижение. Что могло привести к поражению. Да и меньше шума. Причин для такого решения имелось немало, однако Крисп размышлял недолго: Оставим как есть, – думал он. – Они могут понадобиться в любое время.

Он остановился позади башни, что стояла на корме и задрал голову кверху. Луна светила слишком ярко. И это обстоятельство могло сильно осложнить их положение.

– Цезарь, – рядом с Криспом возникла фигура Демиуса. Его голос был едва слышен, а слова предназначались только для уха Криспа. – Ты должен знать. Многие считают твой план безумием. Они сравнивает его с прохождением виновного сквозь строй своих товарищей, где каждый отвешивает ему добрый удар палкой.

– Вот как?! – задавая этот вопрос, Крисп возвысил голос настолько чтобы его слышали все на судне. – Мой план сравнивают с прохождением виновного сквозь строй? – Он повернул голову в сторону Демиуса и с той же громкой нарочитостью продолжал. – Тот кто сделал такое сравнение, глуп от рождения. Известно, что ума в долг взять нельзя, иначе бы он понял разницу. Для начала, мой друг Демиус, идёт не один связанный пленник, а вооружённый отряд готовый не только встретить палку, но и опередить её. Уже одно это обстоятельство вполне способно

уничтожить этот самый строй. Потом, они не знают когда надо бить. Представь к примеру...сорок легионеров с палками которые не знают когда нужно нанести удар и не очень хорошо видят пленника. Согласись, что будь он даже один, у него появится возможность нанести ущерб своим противникам и скрыться. Ну а если, он будет знать, что в конце испытаний, его ждёт не смерть, а золото...бьюсь об заклад что многие из нас смогли бы пройти сквозь этот строй.

Крисп видел, как после его слов многие воодушевились. Послышался громкий смех. Люди оживлённо заговорили между собой при этом не прекращая работы. А Демиус...он только и мог что бросить восхищённый взгляд на Криспа. Тому удалось без особых забот внушить своим людям уверенность и спокойствие.

Бросив ещё один взгляд на луну, Крисп воодушевился. Появились тёмные пятна. А вслед за ними, вокруг стала гораздо темнее, но всё ещё недостаточно для того чтобы подойти незамеченными к флоту Лициния. Однако тянуть более было нельзя. Крисп поднял руку давая знак к началу боевых действий. Едва рука Криспа взметнулась вверх, как у обоих бортов появились люди с факелами. Размахивая ими, они стали подавать условленные знаки на остальные суда. А следом за знаками над водой проносился приглушённый голос:

– Начинаем! Расстояние между судами пятьдесят локтей!

Спустя небольшое время, раздался звук опускаемых в воду вёсел. Ещё мгновение и шум воды возвестил о том, что десять первых судов двинулись в атаку начиная эпохальное морское сражение за Римский трон между императором Лицинием и императором Константином.

Глава 5

Крисп стоял на носу судна, и пригнувшись следил за флотом Лициния. Самое важное состояло в том, чтобы они не догадались раньше времени о том, что происходило. И судя по положению судов противника и тишине, им пока сопутствовал успех.

Расстояние между флотами тем временем быстро сокращалось. Крисп десятки раз подумывал о том, чтобы ускорить ход судна, но по многим соображениям решил не делать этого. Такой шаг мог вызвать лишний шум и сбить ход судов, которые шли вслед за ним. А ведь очень многое зависело от того, как и сколько судов смогут пройти между рядами до конца. То, что пройдут не все, было ясно с самого начала. И это обсуждалось отдельно на совете. Те суда, которые не смогут пройти должны были атаковать противника в меру своих сил и там, где это только возможно.

Крисп шёпотом подозвал командующего Пентерой. Когда тот появился позади него, Крисп бросил только одно слово:

– Готовьтесь!

Тем временем, на судах противника замелькали огоньки. Они уже сблизились настолько, что до них стали доноситься голоса. По всей видимости, их манёвр обнаружили. Однако пока они сумеют подготовиться для защиты, пока передадут сообщение на другие суда. Если успеют передать, – поправил себя Крисп. Опёршись о борт, он зорко следил за всем, что происходило впереди. Его левая рука до боли сжимала рукоятку меча, а плащ развевался на ветру подобно знамени. Он и было знаменем для всех, кто находился позади него и рядом с ним. Расстояние сократилось настолько, что были видны очертания людей спящих по палубе.

– Начинайте! – изо всех сил закричал Крисп.

Пронеслось одно короткое мгновение и... барабанный бой буквально взорвал ночную тишину. Судно

мгновенно ожило. У бортов появились десятки людей с зажжёнными факелами. Прошло ещё несколько томительных мгновений в течение которых всё вокруг обрело бешеный ритм. Судно Криспа поравнялось с проходом, а затем плавно скользнув в него, двинулось между строем кораблей противника. Одновременно с этим стали раздаваться дикие крики. С обоих бортов полетели десятки горшков и вёдер с горящим маслом. Часть из них ударились об борта кораблей. Их сразу же охватило пламя. Другие упали на палубу. Масло, а вместе с ним и языки пламени стали расползаться во все стороны. И лишь самая малая часть, не долетев упала в воду. Одновременно с этим несколько человек прикрыли Криспа со всех сторон щитами. Но не только. Большая часть легионеров расположилась вдоль бортов, и прикрывала щитами других, которые спешно готовили новую атаку. С кораблей противника стал сыпаться град стрел. Крисп слышал, как они ударялись о щиты. Прикрытый со всех сторон, он мог лишь видеть то, что происходило впереди настолько, насколько позволял лунный свет. Но и этого хватило, чтобы почувствовать относительное спокойствие. Впереди вообще ничего не происходило. Проход оставался полностью свободным. Видимо, противник так до конца и не понимал главный замысел этого удара. Крисп осознавал опасность, но не мог и не желал от неё прятаться. Он должен видеть происходящее, иначе не сможет принять правильное решение.

- Щиты прочь! - закричал он во весь голос. Как только приказ был выполнен, он бросился на корму, где судя по шуму, шёл ожесточённый бой. Достигнув кормы, он застыл, испытывая одновременно и удивление и радость. Часть гребцов высыпала на палубу. Они голыми руками хватали горящие горшки и перебрасывали их на корабль противника. Следом в бой вступили лучники. Туча стрел понеслась по направлению следующих двух кораблей противника, мимо которых им предстояло проплыть. В это время,

следом за ним в проход вошло ещё судно. Крисп видел, как судно позади него продолжило атаку на горящие корабли противника. Однако как он ни пытался понять, что происходило в остальных девяти проходах, ничего не получалось. Шум стоял невообразимый. Вместе с огнём появился и дым. Да ещё темнота...не оставалось никакой возможности понять происходящее в других местах. Оставалось только двигаться вперёд и нанести как можно больший урон противнику. На этой мысли Крисп и сосредоточился. Его судно шло тем же ходом и пока не получило ни одного повреждения. Но это было лишь начало. Так думал Крисп. Сокрушительный удар мог последовать в любое время и уничтожить все планы. Эта мысль заставляла его носиться по всему судну и раздавать приказания. Наиболее часто его видели на носу высматривающего путь. Крисп ожидал, что противник догадается преградить им путь и втянет в затяжные бои. Каждый раз видя, что его опасения не оправдываются, он с ещё большим воодушевлением направлял действия людей. Во многом благодаря именно ему, судну удавалось не только продвигаться вперёд, но и наносить значительный ущерб. Горящее масло нескончаемым потоком перебрасывалось на корабли противника. Пожары возникали один за другим. Жар со стороны исходил настолько сильный, что даже воловьи шкуры загорелись. Приходилось их постоянно поливать водой и следить за тем, чтобы пламя не перебросилось на палубу. Но не только. То и дело раздавался своеобразный свист. Видеть стрелы не представлялось возможности. Поэтому чаще всего о пущенной стреле говорил этот самый свист или очередной крик несчастного, который стал её жертвой. Впрочем, таких случаев было немного. Большею частью стрелы пролетали мимо. Если уж они видели то, что происходит только впереди и по обе стороны от судна в пределах ближайших двух противников, так сами противники были лишены и

такой возможности. Оттого им и удавалось проходить без серьёзных повреждений. Как правило, противники их видели лишь тогда, когда было уже слишком поздно что – либо предпринять. Корабль внезапно выныривал из темноты и дымовой завесы, закидывал огнём и не останавливаясь шёл дальше. Идущий следом корабль проделывал тоже самое действие. Удача сопутствующая им на протяжении всего этого времени, отвернулась. Когда Криспу доложили что масло заканчивается, он приказал пустить в дело тот самый большой кувшин, который берёт для катапульты. А когда и содержимое кувшина было израсходовано, он приказал бросать факелы и всё что может гореть. Скоро вообще ничего не осталось. И тогда удача снова вернулась на борт. Судно вынырнуло из прохода, почти без потерь миновав смертельную опасность. Оно некоторое время шло прежним ходом, а затем Крисп приказал развернуть судно носом в обратную сторону. Как и задумывалось, он собирался ударить по флоту Лициния уже с тыла. Манёвр опасный, так как они могли столкнуться со своими же судами, которые выходили из прохода. Но времени на предосторожности не оставалось. Как только корабль развернувшись, остановился, всем предстало место битвы. И это было грандиозное зрелище. Ночь и дым, делали слепыми всех, кто находился в гуще битвы. Остальные же всё ясно могли видеть. И помогал в этом огонь. Десятки столбов пламени взвивались далеко наверх, к небу, освещая всё вокруг себя. И это позволяло увидеть и оценить ход сражения. Первый же взгляд позволял сделать неутешительные выводы. Лишь треть судов Римского флота смогла прорваться сквозь проход. Часть застряла в проходах. Ещё треть судов так и не смогла войти в проход. Столкнувшись с кораблями Лициния, они вели непрерывный бой. Даже отсюда было слышно, как работают катапульты. Иными словами говоря, план удался лишь частично. Основная масса кораблей

вынуждена была втянуться в затяжное сражение. При таком преимуществе со стороны Лициния, не оставалось сомнений как именно завершится сражение.

Крисп горящими глазами следил за скоплением кораблей и понимая насколько опасно любое промедление, лихорадочно продумывал возможное продолжение сражения. За ним воцарилось полнейшее уныние. Многие из его людей считали сражение проигранным и как следствие, бросали на Криспа неприязненные взгляды. Это продолжалось до тех пор, пока на борт корабля не поднялся Квириин. Правая рука у него была в крови. Но он не обращал внимания на рану. На его лице было написано отчётливое беспокойство. Квириин подошёл к Криспу и с отчётливой тревогой в голосе, заговорил:

- Цезарь, план не удался. Пройти удалось не всем. У нас осталось сорок судов. Часть из них повреждена. Надо отступать. Мы все ждём твоего приказа.

- Отступать? - Крисп обернулся словно ужаленный, и бросил на Квирина жёсткий взгляд. - Да ты не в себе Трибун, если предлагаешь мне поражение, когда я почти победил.

- Цезарь! Это поражение!

- Это победа, Трибун! - закричал Крисп, - или ты ослеп? Получилось даже лучше чем я того желал. У нас сорок кораблей. И что важнее, все они могут маневрировать. А что есть у Лициния? Вперёд они пройти не могут. Наши корабли преградили им путь. И не только, они почти полностью скованны. У них остаются свободными лишь суда на флангах и лёгкие галеры в задних рядах. Даже если им не мешать, Лицинию понадобится целый день для того чтобы высвободить свой флот из ловушки. И не забывай про огонь. Если мы сейчас затопим корабли Лициния на флангах и те что стоят перед нами, он окажется в полной ловушке и уже никогда не сможет выбраться. А когда это случится, нам останется просто ждать,

пока огонь до конца сделает своё дело. Самое важное сейчас. Не позволить Лицинию развернуть флот. Вот этим ты и займёшься, Легат. Возьми тридцать судов, раздели их и топи суда на флангах. Остальные пойдут за мной. И не теряй времени зря. – Цезарь! – Квирина молча повиновался хотя по лицу было видно, что он не согласен с оценкой событий. Тем не менее он молча отправился приказом командующего флотом.

Во все стороны гремел Криспа, отдающего приказы. Понемногу, возбуждение, владевшее им, стало охватывать и остальных. Но никто и близко не понимал, что именно чувствовал в эти великие мгновения Крисп. Он весь был охвачен азартом, ибо в отличие от остальных видел преимущество, которое они получили в результате атаки. Никто кроме него не придавал должного значения происходящему в заливе. Но скоро, положение начало меняться. Всё в эту ночь сопутствовало успеху Криспа. Галеры, которые он собирался атаковать были заняты собственным спасением. Они боролись с огнём, не замечая самой большой опасности для всего флота. К ним пришло понимание происходящего лишь тогда, когда в них полетели ядра. Десять судов, выстроившись в ровную линию, пустили в ход катапульты. Каменные ядра тучами обрушились на задние ряды флота Лициния. Нападение на лёгкие галеры не вызвало должного ответа. Сами же галеры, попытались развернуться и уйти от смертоносного обстрела, но это действие слишком запоздало. В связке с огнём, обстрел быстро привёл к желаемому результату. Галеры начали тонуть одна за другой. Крисп до полной хрипоты кричал, управляя одновременно ударом всех десяти судов. Едва завидя возможность выхода из ловушки, он тут же направлял туда удар, отрезая путь к отступлению. Им отвечали, но слишком вяло. Большинство ядер противника даже не долетали до них и были более опасны для своих же кораблей. К тому времени,

когда солнце появилось на горизонте, часть галер в задних рядах успела пойти ко дну. Над водой лишь торчали обломки судов и верхушки мачт. Рассвет позволил приступить к более активным действиям. По приказу Криспа, суда начали сближаться с противником. Следовало потопить все суда в задних рядах. И для этого пришлось местами идти на абордаж. Противник, ослабленный огнём, и обстрелом почти не оказывал сопротивления. Не имея возможности двигаться, корабли Лициния вспыхивали один за другим. Шаг за шагом, Крисп уверенно вёл свой флот к победе. И это продолжалось до самого вечера. Ещё до наступления темноты, над заливом раздались восхищённые крики:

– Слава Цезарю! Слава Флавию Криспу!

Глава 6

Римский сенат две недели спустя

Римские сенаторы не только внимательно слушали человека стоявшего в центре зала, но и часто перебивали его речь овациями. Зал был полон как никогда. И событие того действительно стоило. Император прислал префекта, дабы сообщить сенату подробности произошедшей битвы. Юлий Юлиан, префект Рима, выглядел немного бледным, что не мешало ему громко и чётко выполнять приказ императора.

– Двести судов сожжено, более ста сдались. Захвачено двадцать семь тысяч пленных и много золота. Лициний прислал послание, в котором изъясняет покорность и признаёт себя верным слугой императора.

Эти слова были прерваны бурными аплодисментами. Все сенаторы стоя аплодировали этим вестям. Все, за исключением одного. Это был толстяк, маленького роста с круглым и очень светлым лицом. Он сидел в

самых верхних рядах. С его лба постоянно струился пот, и он вытирал его краем своего хитона. Создавалось впечатление, что его вообще не интересует происходящее в сенате. Сказанные им слова лишь подтверждали эту догадку:

- Как же здесь жарко! Благосклонность «Соль» порой сильно раздражает!

Слова были сказаны не очень громко, тем не менее их слышали многие. Постепенно шум аплодисментов стихал. Взгляды присутствующих обращались в сторону толстяка. Чуть позже раздался возмущённый голос:

- Публий Скапула, вы снова показываете неуважение сенату!

- Прошу прощения, - тот кого называли «Публий Скапула», изобразил на губах виноватую улыбку, - всему виной моя проклятая память. Я всё время забываю о том, что не должен упоминать Римских Богов. Вместо «Соль» следовало сказать...опять провал, никак не вспомню имя нового Бога. Не беда. Всегда найдутся рядом люди, которые напомнят мне о нём. И уж раз я получил слово, хотелось бы задать вопрос префекту. Вы приняли решение?

- Да! - раздался снизу твёрдый ответ. - Я покидаю свой пост вместе со всеми «Преторианцами».

- А это по всей видимости, новый префект, - Публий Скапула встал и накинув свободную часть хитона на правую руку, устремил насмешливый взгляд в сторону входящего в зал сената, высокого человека.

- Юний Анний Бас!

Новый префект принял вызывающе гордую позу. Не успел он остановиться, как Публий Скапула встал и начал спускаться. Спустившись вниз, он напрямик направился к выходу. Возле нового префекта он остановился и очень громко изрёк:

- Я не припомню такого имени среди патрициев. И всё же, позволь поздравить тебя с новым назначением.

Новый префект поклонился Скапуле, нос недовольной

миной на лице.

– Позволь напомнить тебе, что по закону я могу вступить в должность только после одобрения сенатом.

– За этим делом не станет. Мнение римского сената редко расходиться с мнением императора. Особенно в последние годы.

Публий Скапула покинул сенат. Внизу на площади его четыре раба с носилками. Ещё один стоял с опахалом. Это был хрупкий юноша со смуглым лицом. Он всегда находился рядом с сенатором. Тот не выносил жару настолько, что даже во время движения пользовался его услугами. Завидев Скапулу, юный раб со всех ног бросился к нему. Едва почувствовав благодатную свежесть, он расплылся в довольной улыбке и сделав неопределённый жест в сторону солнца, которое в этот день старалось согреть лучше обычного, он уселся в носилки. Скапула проделывал всё так словно собирался отправиться в далёкое путешествие а не на рынок рабов куда он и держал путь. Здесь следует добавить лишь одно – рынок рабов так же как и сам сенат, находился в пределах римского форума. И как всегда, на улицах Рима находилось слишком много людей, которым, по мнению сенатора, было здесь совсем не место. Отчего приходилось часто останавливаться, и поездка немного затянулась по времени. Впрочем, усилиями юного раба, Скапула, почти не замечал этой маленькой неприятности. Очень скоро, они оказались в тени свода величественной арки. Затем проследовали в самый центр рынка рабов и здесь остановились. Скапула высунул голову и стал смотреть. Его взгляд сразу же привлёк молодой военный. Судя по знакам отличия он носил звания центуриона. Молодой человек обладал высоким ростом, благородным чертами лица и яркими голубыми глазами. Иными словами говоря, с одного взгляда в нём можно было определить того, кого называли «отпрыском благородных патрициев». Вид молодого

человека изменил выражение глаз Скапулы. Вместо обычной насмешливости появилось отчётливая нежность. А вместе с ней и мягкая улыбка. Заметив, что молодой человек смотрит только в одно место, сенатор проследил за его взглядом. Без всякого сомнения, центурион смотрел на рабынь. Вернее на одну из них. Даже закованная в цепи она производила впечатление свободного человека. Гордо поднятую голову ещё более подчёркивал высокий рост. Взгляд буквально сверкал. И в нём выразилось одновременно презрение и гнев. Маленькая арена в которой она находилась была окружена кривой изгородью. Вместе с ней в ряду стояли ещё два десятка женщин. И у всех головы были опущены. Только она одна не желала признавать своё унижение. Скапула невольно засмотрелся на чёрные глаза этой женщины. Во всём остальном она ничем не отличалась от других. Такая же грязь на лице и на одежде. Волосы...представляли собой ещё более ужасное зрелище. Неизвестно как долго бы смотрел Скапула на рабыню, если в это время до него бы не донёлся громкий хор голосов, который произносил: - Господь Единый и Всемогущий!

Скапула обратил внимание на толпу христиан, которых возглавлял мужчина старше средних лет с серебристой бородой. У него на груди висел большой крест. Скапула усмехнулся и стал прислушиваться. Этот человек говорил о том, что все люди равны перед Богом, что рабство это грех, что мы не должны обижать ближних своих. Скапула хорошо видел, с какой внимательностью его слушают. В особенности рабы. Послушав ещё немного, он сделав знак юному рабу сошёл с носилок. Почти сразу же после этого, по всему рынку разнёсся насмешливый голос:

- Сильвестр, почему бы тебе не начать с освобождения собственных рабов? Или ты только другим даёшь добрые советы?

Вокруг стал раздаваться смех. Человек с крестом

резко обернулся. Увидев кому принадлежат слова, он только и пробормотал:

– Господь не позволяет мне ответить тебе, сенатор Скапула. И мне остаётся лишь молить его о снисхождении к твоей слепоте.

Не успели отзвучать эти слова, как он, а вместе с ним и все христиане отправились прочь с рынка.

Глядя им вслед, Скапула пробормотал:

– Я начинаю завидовать христианам. Римские Боги при всём своём могуществе не могут спасти от неудобных вопросов.

В этот миг рядом с ним раздался мягкий голос:

– Ты верен себе! Но позволь заметить, насмешка над Епископом Рима может плохо закончиться даже для тебя.

Скапула устремил удивлённый взгляд на центуриона который чуть ранее привлёк его внимание. Тот стоял перед ним с очень серьёзным лицом. Но оно изменилось едва раздался голос сенатора

– Я просто в растерянности. Неужели Сильвестр ошибся? По его мнению, я ослеп. Однако...мне кажется, будто я всё ещё вижу... собственного сына. Если это действительно ты, Квинт, дай мне знак.

Центурион, или вернее, сын сенатора Квинт Скапула не смог сдержать широкую улыбку. Скапула поманил сына пальцем за собой, одновременно давая знак юному рабу, чтобы он усерднее использовал опахало, а затем быстро пошёл в сторону арены с рабынями.

Скапула по привычке семенил и жестикулировал руками. Обычно едва ли не каждое его слово подчёркивалось определённым жестом. Руки бездействовали лишь когда он молчал, а это случалось крайне редко:

– Что это за пост, епископ Рима? – спрашивал он у сына с откровенным раздражением. – Жрецам место в храме, а эти ходят по улицам и призывают к смирению и любви. Спрашивается, зачем тогда им нужна власть? К чему это звание, епископ Рима?

Христианские священники претендуют на право занять

место посредников между людьми и Богами. То есть каждый из них получил отличную возможность облечь свои желания и мысли в волю Богов, а император своим указом придал этому безумию вполне законное основание. И самое неприятное состоит в том, что мы не сможем оспорить эти слова, ибо по понятным причинам не сможем их опровергнуть. Остаётся радоваться за самих христианских священников, которые никак не могут прийти к единому мнению по поводу того, что именно говорит их Бог. Но здесь всё понятно. У каждого свои интересы. И это вселяет надежду.

Скапула остановился у группы людей, которые яростно что-то обсуждали. Завидев сенатора, один из них, с длинными усами и короткой бородой, облачённый в потрёпанный восточный халат, быстро подошёл к нему и подобострастно поклонившись, с почтением произнёс:

- Чем может служить бедный грек великому Скапуле?

- Если хочешь сделать мне приятное Строкл, отдай мне даром ту высокую рабыню с гордым взглядом.

- Ты смеёшься надо мной, доблестный Скапула, - торговец рабами вскинул на него обиженный взгляд, - фессалийка Виталия происходит из очень знатного рода. За неё я получу не меньше пятидесяти солидов.

- Пятьдесят солидов? - насмешливо переспросил Скапула. - Да за такие деньги я могу умертвить тебя, твою охрану, даже твою семью, а потом забрать рабов даром.

- Это незаконно! - вскричал бледнея торговец рабами.

- Ты кому это говоришь, Строкл? Или твоя глупость не допускает появления законных причин для таких действий?

- Сорок пять!

- Пожалуй, я оставлю твою семью в покое!

- Сорок два!

- Думаю и тебя можно пощадить. А вот с охраной

придётся расстаться.

- Сорок солидов моё последнее слово.

- Хитрец, тебе известна моя доброта. По этой причине я дам тебе пятнадцать солидов и не стану никого убивать.

- Двадцать. И ты ещё купишь пять рабынь. Один солид за каждую.

- Можешь гордиться, Строкл, ты единственный кому всегда удаётся одурачить меня.

Скапула достал кошелек и отсыпал нужную сумму прямо в подставленные ладони торговца рабами.

Золото тут же исчезло во внутренних складках. На губах Строкла расплылась довольная улыбка.

- Ты как всегда добр ко мне. Не хочешь посмотреть товар?

- Я не настолько глуп, чтобы отказаться. Веди. Я сам выберу рабынь.

Направляясь вслед за торговцем рабами к арене, Скапула исподтишка бросал взгляды на сына и видел, как тот мрачнеет всё больше и больше. Он явно наслаждался этими мгновениями, так как совершенно точно определил симпатию своего сына к этой рабыне.

Всё что касалось пятерых рабынь, не заняло много времени. Они все выглядели одинаково и по сути являлись неким грузом без которого нельзя получить главную добычу. Именно на фессалийке, Скапула и сосредоточил своё внимание. Даже короткий осмотр привёл его в восхищение. Рабыня обладала безукоризненными формами. Но её нрав был далёк от спокойного. Она едва не укусила Скапулу, когда тот стал осматривать её зубы. Скапула со знатоком дела прошёлся взглядом по стройным ногам. Затем его взгляд остановился на полных грудях.

- Такая родит крепких мальчиков, - пробормотал Скапула и схватив за ворот платья резко дёрнул. Материя треснула, но фессалийка успела прикрыть грудь руками. При этом с её лица не сходило презрительное выражение. Все услышали яростный

шёпот:

- Посмеешь тронуть меня ещё раз римлянин, я убью тебя!

- Я слишком стар для неё, - с притворным вздохом признал Скапула. Он притворно оглянулся по сторонам. Заметив сына он поманил его пальцем:

- Прими мой подарок Квинт. Рабыня твоя. Делай с ней всё, что пожелаешь! Но будь осторожен. У неё есть когти.

Скапула видел, как мелькнула на лице сына радостная улыбка. В который раз он угадывал истинное положение вещей, и в который раз не показывал истинные мотивы своих поступков.